

**ТВОРЧЕСТВО М. А. ШОЛОХОВА И ПРОБЛЕМА АКТИВНОГО ГЕРОЯ
В СОВРЕМЕННОЙ СОВЕТСКОЙ ПРОЗЕ**

Произведения таких крупных мастеров слова, как М. А. Шолохов, помимо того, что они доставляют радость читателям, воспитывают их, обогащают новым знанием, выполняют еще одну функцию — намечают направление творческих поисков последующих поколений писателей. «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Судьба человека» — каждое из этих творений стало выдающимся явлением в культурной жизни страны и в известной степени послужило для всех причастных к литературе эталоном художественности, партийности и народности. В данной статье предпринята попытка проанализировать творческую переключку ряда советских писателей с М. Шолоховым на «уровне» характеров, являющихся одним из важнейших критериев художественности литературных произведений. В выборе произведений для задуманной сопоставительной работы мы ориентировались на прозу В. И. Белова, наиболее соответствующую, по наш взгляд, и по своему пафосу, и по эстетическим достоинствам идейно-художественным особенностям прозы М. Шолохова.

В. Белова, как и других писателей, представляющих в современной литературе так называемую «деревенскую прозу», роднит с М. Шолоховым интерес к характерам рядовых, обычных людей-тружеников, способность открывать в своих героях неисчерпаемые запасы мужества, стойкости и душевной красоты. Как и М. Шолохов, В. Белов в выборе жизненного материала опирается на наиболее значительные, переломные моменты истории Советского государства. Если в произведениях Шолохова основное время действия падает на гражданскую войну, коллективизацию и Великую Отечественную войну, то в произведениях В. Белова — на коллективизацию, Великую Отечественную войну и напряженные по внутреннему драматизму 60-е годы. Естественно поэтому, что героям В. Белова, как и героям М. Шолохова, приходится реализовать свои недюжинные человеческие возможности в обстоятельствах повышенной сложности и трудности. В этой связи в статье ставится

задача проследить, как в процессе творческой эволюции обоих писателей росла гражданская зрелость, социальная и духовная активность их любимых героев.

Вершинные достижения М. Шолохова и В. Белова в области создания человеческих характеров — образы Григория Мелехова и Ивана Дрынова, в которых писателям удалось показать не только сложность и противоречивость, присущие сознанию и поведению этих героев, но и обретение ими нового, более цельного и правильного взгляда на мир.

Одним из выражений авторской позиции по отношению к заблуждениям Григория Мелехова и Ивана Дрынова явилась смерть главных героинь «Тихого Дона» и «Привычного дела» — Аксиньи и Катерины. Правомерность возникшей параллели подкрепляется наблюдениями советских и зарубежных критиков. Немецкий ученый А. Хирше справедливо, на наш взгляд, считает, что «...Белов рассказывает историю одной любви, которая по своей поэтичности не уступает любви Григория Мелехова и Аксиньи» (1, с. 38). О близости героев «Тихого Дона» ему лично, его семье и его землякам говорил и сам В. Белов (3, с. 8).

Осознание Г. Мелеховым и И. Дрыновым необходимости возвращения к родной земле, к близким людям; горе, постигшее их в этот поворотный момент жизни, форма выражения горя (достаточно вспомнить сцены: Григорий перед мертвой Аксиньей и Иван Африканович после получения известия о смерти Катерины) — все это, выражаясь словами В. Белова, «так непохоже и... так щемяще близко» (4, с. 8). Финалы «Тихого Дона» и «Привычного дела», при всех их различиях, несут в себе, думается, родственные идеи. Поучительный смысл истории, случившейся с Иваном Африкановичем, состоит в том, что на ее примере представляется возможным показать, к чему может привести измена «привычному делу», забвение, хотя бы и кратковременное, родной земли. Осмысливая значение заключительных сцен «Тихого Дона», А. Хватов писал: «Как будто перед нами лишь образ потрясенной души Григория. Но он вписан в эпическую картину эпохи и соотнесен с философской концепцией автора, предостерегающего, что ошибки и преступления, заблуждения и просчеты, затрагивающие законы исторического движения... оплачиваются дорогой ценой» (5, с. 244).

Вместе с тем, в финалах «Тихого Дона» и «Привычного дела» оказалась убедительно раскрытой тема «преодоления и снятия трагического конфликта» в новых общественно-исторических условиях (6, с. 246). Мотив возмездия и тесно связанный с ним мотив духовного возрождения пронизывают звучные заключительные страницы «Тихого Дона» и «Привычного дела». «Наказав» своих героев смертью самых близких для них людей, подведя к черте, за которой — жизнь или смерть, авто-

ры поставили их перед необходимостью самим выбрать, по какую сторону черты встать. Поразительная духовная и физическая стойкость, проявленная Г. Мелеховым и И. Дрыновым в этот трудный период жизни, передана М. Шолоховым и В. Беловым с большой изобразительной силой и свидетельствует о их вере в будущее своих героев.

Созданием «Тихого Дона» М. Шолохов показал пример писательского служения правде, мужественного исследования противоречий, присущих социалистическому строю. По словам В. Лихоносова, именно шолоховская «беспощадная правда» и «святая народность» явились теми ориентирами, которые вывели ряд советских писателей, пишущих преимущественно о деревне, на широкую дорогу всенародного признания (7, с. 6).

Подобно одному из своих литературных героев, М. Шолохов был свидетелем и участником почти всех великих исторических событий, выпавших на долю первого в мире государства рабочих и крестьян. И с каждым новым рубежом, преодолеваемым советским народом в его борьбе за мирную и счастливую жизнь, повышались социальная активность и гражданская зрелость шолоховских героев, становились все менее антагонистическими конфликты между создаваемыми писателем характерами и обстоятельствами. Десятилетие, отделившее время действия «Тихого Дона» от времени действия «Поднятой целины», внесло заметные коррективы в сознание шолоховских героев. Несогласие казака Хопрова участвовать в контрреволюционном мятеже («Я против власти не поднимаюсь и другим не посоветую») понимание им бесперспективности подобного рода восстаний («Казаки стали теперича ученые... Не пойдут они»), раскаяние в своей службе в карательном отряде («Я тогда темней ночи был, не знал, что и куда») и готовность понести вину за нее («Отсиджу года три... и выйду оттел чистым») — говорили как о возросшем авторитете Советской власти среди рядового казачества, так и об усилении гражданского самосознания его членов. Слова Никиты Хопрова, брошенные в лицо заговорщикам: «Я сам спервоначалу на себя донесу... Но-о-о и вы глядите!» — свидетельствуют не о покорности враждебным обстоятельствам, а о критическом отношении к ним и даже — о противоборстве с ними (V, с. 86—87).

К 1930-му году, как это следует из романа М. Шолохова «Поднятая целина», основная масса донского казачества окончательно и бесповоротно признала Советскую власть. На повестку дня остро встал другой вопрос — об изменении взглядов крестьянства в сфере его хозяйственных интересов. Насколько серьезно проходила перестройка сознания даже у наиболее передовых хуторян Гремячего Лога, писателем показано на примере Кондрата Майданникова.

«Нелегко давался Кондрату колхоз,— пишет о душевных переживаниях своего героя автор.— Со слезой и с кровью вал

Кондрат пуповину, соединявшую его с собственностью, с быками, с родным паем земли...» (V, с. 72). Важно подчеркнуть, что, несмотря на сомнения, Майданников сразу сделал правильный выбор в отношении новых форм хозяйствования. «Я нынче же сяду заявленье в колхоз писать и других к этому призываю», — говорит он на хуторском собрании (V, с. 69). В характере этого невысокого, в сером зипуне и в буденовке казака, наряду с исконно крестьянскими основательностью и трудолюбием, подчеркиваются также, привитые новым социальным строем, черты, как готовность защищать идеалы революции («...В 1920 году рубил белополяков и врангелевцев, защищая свою Советскую власть»), верность этим идеалам («Кондрат давно уже не верит в бога, а верит в Коммунистическую партию, ведущую трудящихся всего мира к освобождению, к голубому будущему»). Некоторая «образцовость» Кондрата Майданникова и имеющая место идеалистичность в восприятии им происходящих событий, вызванные, вероятно, особенностями исторического момента, в который создавалась первая книга, не искажают правды этого образа, привнося в его реалистическую основу романтическую устремленность к «голубому будущему».

Первая книга «Поднятой целины» убедительно показала, что в литературе социалистического реализма появился новый герой — герой, поле деятельности которого переместилось, образно выражаясь, с поля брани на поле пашни. Воодушевленный ленинскими идеями построения коммунистического общества, этот новый герой, воспитанный, кстати, на основе традиционной крестьянской морали, с детства впитавший в себя любовь к земле, привычку и уважение к труду, отдал, когда этому пришел час, все накопленное им богатство, духовное и материальное, колхозу, становясь с каждым днем все более активным и самостоятельным участником социалистического строительства в деревне.

Словно продолжая традиции М. Шолохова в изображении роста социальной активности народных масс, В. Белов вслед за «Привычным делом» создает повесть «Плотницкие рассказы». В отличие от Ивана Африкановича один из основных героев «Плотницких рассказов», старый плотник Олеша Смолин, не теряет почвы под ногами при столкновении с неблагоприятными обстоятельствами. Его активность в противоборстве с ними приобретает принципиально иной, позитивный смысл. Не сомневаясь в исторической необходимости социалистического преобразования деревни, он смело выступает против недостатков в колхозном строительстве, ратует за целесообразность и разумность форм ведения хозяйства. Этим Смолин похож на кузнеца Ипполита Шалого из шолоховской «Поднятой целины» и старого колхозника Митрича из одноименного рассказа Г. Тропольского.

Сравнивая Ивана Дрынова и Олешу Смолина, близких по характерам героев В. Белова, чувствуешь, насколько прочнее и определеннее жизненная позиция последнего. Это подтверждается конкретным анализом ряда эпизодов «Привычного дела» и «Плотницких рассказов».

Одной из причин, толкнувших Ивана Африкановича на то, чтобы пойти, по его выражению, «бурлачить», явилась злополучная история с сеном. Сено, накопленное Иваном Африкановичем по ночам, у него, как известно, отобрали. Он это принял в общем спокойно, потому что в глубине души соглашался с «незаконностью» своих действий. Когда же приехавший в деревню «районный начальник» попросил-потребовал у Ивана Африкановича («Вы как депутат должны нам подсказать...») переписать «на бумажку» и других ночных косцов, то внешне покорный Иван Африканович такой бумажки не написал. «Он и не подумал ее писать», — замечает автор (с. 76).

Казалось бы, в этом поступке по-своему проявились и твердость характера и гражданская самостоятельность, в отсутствии которых так часто упрекали беловского героя. По сути так оно и есть. Однако, если быть до конца последовательным и объективным, нельзя не обратить внимания на одну деталь, придающую вышеназванным качествам героя не совсем завершённый характер. Призывая Дрынова переписать всех, кому «свои частнособственнические интересы дороже общественных», уполномоченный, с присущей этому типу людей напористостью, «дожимает» растерявшегося «депутата». «Договорились?» — как о почти решенном спрашивает он. «Оно конечно...» — неуверенно отвечает Иван Африканович. «Вот и хорошо, что договорились», — торопится завершить разговор уполномоченный, расценивая этот ответ как согласие (с. 76). Решительность и твердость, проявляемые Иваном Африкановичем в критические моменты жизни, в данной ситуации уступили место робости и безволию, позволившим бездушному чиновнику склонить его, хотя и временно, к унижительному сотрудничеству.

По-другому ведет себя в ситуации нравственного выбора Олеша Смолин. Побывав в свидетелях раскулачивания работающего (характеристика Смолина) мужика Федуленка, насмотревшись не то, как Козонков «по дому ходит... козырем», в то время как вокруг «рев стоит, бабы с девками причитают», Олеша открыто заявляет: «Не буду... акт подписывать» (с. 218). Жизнь Смолина, рассказанная им самим, позволяет выявить истоки такого поведения героя: они берут начало в его детстве, в семье. С ранних лет Олеша уяснил, что ценность человека определяется его отношением к труду, а также совестью. «Только без совести жить — не жить. Друг дружку переколоти», — говорит он Зорину (с. 117).

Вместе с тем, и это особенно важно подчеркнуть, Олеша не сразу стал таким непримиримым в вопросах чести. В дореволюционной биографии героя был эпизод (случай со «штукой» ситца, украденной Козопковым в лавке купца), показывающий его далеко не в лучшем свете. Определяющую роль в становлении характера Смолина сыграла Великая Октябрьская социалистическая революция. Основа моральной силы, которая помогла Олеше выстоять в столкновениях с деятелями типа Табакова и Козопкова, видится также в том, что идеи революции он воспринял в ленинской интерпретации, наиболее полно и правильно отражавшей надежды и чаяния миллионных крестьянских масс. Именно поэтому никакие перегибы не могли поколебать его убежденности в правильности основного курса партии, направленного на коренную перестройку деревни. Об этом Смолин говорит в присущей ему образной манере Константину Зорицу: «А я, друг мой Констанкин... сроду так не делал, чтобы, осердясь на вошей, да шубу в печь» (с. 221). В этих словах старого колхозника — мудрость человека, прожившего долгую жизнь и научившегося отделять второстепенное от главного.

Вторая пара эпизодов, позволяющая сравнить степень активности беловских героев, связана с проблемой отходничества. Из текстов «Привычного дела» и «Плотницких рассказов» следует, что Дрышов и Смолин под давлением обстоятельств уезжают из родных мест на заработки в город. Ничего порочащего (если исходить из содержания повестей, а не из абстрактных рассуждений) в этом нет. В. Белов писал в статье «Деревня и кино», что даже если ограничить причины ухода из деревень этих и им подобных героев одними материальными интересами, то и тогда это «достойно и сочувствия, и понимания» (9, с. 69). В данном случае нам важно заострить внимание не на причине отъезда, а на том, как произошел этот отъезд.

Смолин, прежде чем уехать, заключает договор с «производством». «...Меня уж звали плотником в одно место, договор заключили», — рассказывает он Зорицу (9, с. 220). Дрышов же полагается лишь на азартные посулы своего шурина Митьки да на охватившую его вдруг «отчаянную решимость». Как верно заметила его жена Катерина, «куда уехала, и сам не знает». Нельзя забывать и о том, что Олеша с тринадцати лет начал ездить в Питер плотничать. Поэтому его намерение ехать на «Судострой... бараки для рабочих рубить» не выглядит чем-то необычным. Отъезд же Ивана Африкановича, который «кроме войны, нигде не бывал», представляется неразумным и безответственным, и даже тяжелое материальное положение вряд ли может служить ему оправданием.

Характер Олешы Смолина, по сравнению с характером Ивана Африкановича, получился у В. Белова более цельным и определенным в социальном отношении. По своей идейно-художественно-

жественной значимости в образной структуре «Плотницких рассказов» он близок характеру уже упоминаемого нами шолоховского героя, Ипполита Шалого, наиболее интересно раскрывшемуся во второй книге «Поднятой целины».

Шалый и Смолин, как и Митрич Г. Троепольского, — люди активной жизненной позиции. Их общественная активность неразрывно связана и прямо вытекает из их трудовой деятельности. Критические замечания, высказываемые Шалым, Митричем и Смолиным в адрес колхозных руководителей, вызваны желанием видеть свой колхоз, а вместе с ним и всю страну, разумно, по-хозяйски распоряжающимися богатыми природными ресурсами, нацелены на более полное использование возможностей, предоставляемых социалистическим строем для быстрого подъема сельского хозяйства, для укрепления и процветания Отечества. Моральное право на критику герои М. Шолохова, Г. Троепольского и В. Белова заслужили добросовестным трудом.

Важную роль в формировании социальной активности вышеупомянутых героев «Поднятой целины», «Митрича» и «Плотницких рассказов» играют их взаимоотношения с местным руководством. Разработка этого вопроса, в частности, в творчестве М. Шолохова и В. Белова имеет свои особенности. Если, например, Давыдов после упреков, сделанных ему Шалым, находит в себе мужество признать их справедливость и даже благодарит за них, то в ответ на замечания Смолина его начинают «прижимать», приписывают ему «кулацкую агитацию». Персонажи, подобные Табакову, есть и в других произведениях В. Белова. Порой кажется, что писатель сознательно сгущает краски при показе их деятельности. Некоторая заданность образов типа Табакова является следствием открытой, наступательной позиции автора в изображении разного рода «уполномоченных», берущихся решать сложнейшие проблемы хозяйственной жизни села, не обладая ни соответствующими знаниями, ни опытом.

Во второй книге «Поднятой целины» М. Шолохов подверг своего любимого героя, Семена Давыдова, серьезным испытаниям. Почти все они связаны с возросшим самосознанием членов гремяченского колхоза. Последовательно и целеустремленно показывает писатель изменения, происходящие в сознании и поступках молодого колхозного руководителя. Сначала Иван Аржанов заставил задуматься его над «чудинкой», заложенной в каждом человеке. Потом сам Давыдов начинает понимать, что в его взаимоотношениях с людьми не хватает чего-то главного. «Не знаю я людей в колхозе, не знаю, чем они дышат, — сокрушенно думает он. — Сначала раскулачивание, потом организация колхоза, потом хозяйственные дела, а присмотреться к людям, узнать их поближе — времени не хватило» (VI. с. 81—82). Решающим фактором, повлиявшим на про-

цесс внутренней перестройки Давыдова, явилось его столкновение с Устином Рыкалиным.

В отличие от Майданникова и Шалого, характер Рыкалина более противоречив. По темпераменту, по некоторым фактам биографии (Устин не скрывает, что во время гражданской войны он «и в белых был, и с зелеными две недели кумился, и в красных побывал») этот шолоховский герой напоминает Григория Мелехова. Устин смело, даже вызывающе, говорит с Давыдовым. Не все его слова, которые он бросает в лицо председателю, справедливы. К тому же, хотя и по уважительным причинам, Устин плохо работает и, казалось бы, не в его интересах было обострять отношения с начальством. Но этот «не в меру бойкий казачок», как его поначалу аттестует Давыдов, меньше всего заботится о собственном благополучии. На предостережения Тихона Осетрова он бесстрашно отвечает: «А в Сибири люди на четвереньках ходят, что ли? Меня и там ветром не продует, я — каленый!» (VI, с. 178). Вспоминается замыгинский Степан Чаузов, лишившийся дома, хозяйства, но не изменивший своим убеждениям.

Бунтарская натура Рыкалина проявляла себя и в прежней жизни. По словам Осетрова, «богатеньким он всю жизнь поперек горла стоял...» (VI, с. 177). Революция научила Устина еще больше уважать себя. «Кто же по нынешним временам так с народом обращается,— выговаривает он Давыдову.— Он, народ-то, при Советской власти свою гордость из сундуков достал и не уважает, когда на него кидаются с криком» (VI, с. 174). Столкновение с Устином Рыкалиным помогло Давыдову понять, что «незаметно он усвоил грубую, нагульновскую манеру обращения с людьми» (VI, с. 175), и сделать выводы, которыми он, к сожалению, не успел воспользоваться.

Главы «Поднятой целины», посвященные Устину Рыкалину, наводят еще на одну мысль. Защита собственного достоинства у Устина неразрывно связана с защитой общественных интересов. Его драка с тубянцами из-за колхозного сена свидетельствует если не об окончательном, то, во всяком случае, об основательном изменении сознания крестьянина-единоличника, представляет собой яркий пример закрепления в нем норм социалистического образа жизни.

Продолжая художественное исследование истоков огромной жизнедеятельной силы, заключенной в русском национальном характере, В. Белов вслед за «Плотницкими рассказами» создает полные открытого и доброго юмора «Бухтинны вологодские...». Природный оптимизм и тяга к жизни, отличающие большинство героев В. Белова, не раз помогали и герою-рассказчику «Бухтин...», печнику и балагуру Кузьме Барахвостову, умеющему, по его словам, благодаря этим качествам «находить слой... в любом невыгодном положении» (10, с. 169).

Опубликовав в 1972 году первую часть романа «Кануны», получившего впоследствии подзаголовок: «Хроника конца 20-х годов», В. Белов словно бы подтвердил правильность шолоховского замечания, высказанного в 1931 году в письме М. Горькому, о том, что вопрос об отношении к среднему слою крестьянства «еще долго будет стоять и перед нами, и перед коммунистами тех стран, какие пойдут дорогой нашей революции» (11, с. 697). Образами отца и сына Пачиных, людей сильных и гордых, не мирящихся с несправедливостью, писатель сделал еще один шаг в создании народного характера, обладающего как традиционно положительными чертами человека-труженика, так и чертами человека нового типа, человека-борца.

Говоря о роли М. Шолохова в современном литературном процессе, необходимо помнить, что «действенность великого художника определяется не только его собственной силой, но и талантом, глубиной мысли и культурой тех, кто воспринимает его уроки...» (12, с. 452). М. Шолохову «повезло» и в этом отношении. В лучших произведениях Ф. Абрамова и В. Астафьева, С. Залыгина и Е. Носова, В. Распутина и В. Шукшина оказался почти достигнутым тот уровень художественности и правды, который наметил Михаил Александрович Шолохов для всей советской литературы созданием «Тихого Дона».

Писателем шолоховской традиции и силы назвал В. Белова Ф. Кузнецов (12, с. 4). Изобразительное мастерство Белова-художника отметил сам М. Шолохов. «Прямо кружева вологодские, а не проза, вязью пишет», — сказал он об авторе «Привычного дела» на встрече с молодыми писателями в 1967 году. Как всякий талантливый ученик, В. Белов не ограничивает себя следованием урокам мастера. Писатель другого поколения, он ищет свои ответы на вопросы, задаваемые жизнью. Но одному завету М. Шолохова В. Белов следует неукоснительно — писать надо правду. «О чем и как писать, — говорил М. Шолохов молодым братьям по перу, — каждый сам для себя решает, но есть неперемное условие — писать надо правду. Первый советчик писателя — совесть, главный судья — народ» (13, с. 6).

Словно вторя своему знаменитому современнику, В. Белов заметил в одном из публицистических выступлений: «Признак настоящего писателя в наше беспокойное время: нестихающая совесть» (15, с. 202). Руководствуясь «подсказками» этого первого советчика, В. Белов создал целый ряд произведений, пронизанных поэзией и правдой. Той правдой, которую он, по словам Е. Носова, «всегда ревниво и как-то болезненно-честно... оберегает перед своими земляками» (16, с. 8).

Стремлением к правде и справедливости, душевной неуспокоенностью отличаются и любимые герои В. Белова. Выйдя,

как и большинство героев М. Шолохова, из среды крестьянства, обладая присущими представителям этого класса здоровым духом и крепкой плотью, они внесли в созданный их творцом мир свежесть и глубину чувств, смелость и самобытность мыслей и утвердили своим существованием активное, созидательное начало в человеке.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Овчаренко А. Творчество Василия Белова в восприятии советской и зарубежной критики.— *Вопр. лит.*, 1983, № 8, с. 31—53.
2. Белов В. И. Повести и рассказы.— М., 1980. Ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.
3. Белов В. И. Русский национальный характер (К 75-летию М. А. Шолохова).— *Лит. Россия*, 1975, 23 мая.
4. Там же.
5. Хватов А. И. Художественный мир Шолохова.— М., 1978.
6. Там же.
7. «Сказать свое слово...» Беседа с писателем Виктором Лихоносовым (Беседу вел Ю. Садовский).— *Лит. Россия*, 1983, 28 окт.
8. Шолохов М. А. Собр. соч. в 8-ми томах.— М., 1975. Ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера тома и страницы.
9. Белов В. И. Деревня и кино: Заметки писателя.— *Аврора*, 1970, № 8, с. 66—69.
10. Белов В. И. Целуются зори...: Юмористические рассказы и повести.— М., 1975.
11. Горький и советские писатели: Неизданная переписка.— М.: 1963.
12. Хватов А. И. Указ. соч.
13. Кузнецов Ф. Ф. (В. И. Белову — 50 лет).— *Лит. газ.*, 1982, 27 окт.
14. Яковлев Г. Гагарин в Вешенской.— *Правда*, 1981, 1 окт.
15. Белов В. И. «Груз жизненных впечатлений»: Страничка из писательского блокнота.— *Вопр. лит.*, 1977, № 7, с. 200—203.
16. Носов Е. И. Путь к истоку (Слово о моем друге).— В кн.: Белов В. Холмы: Повести, рассказы, очерки. М., 1973.

УДК 82—1/931

А. В. Кошкин

МГПИ им. Ленина

РОЛЬ ПРЕДЫСТОРИИ В ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОБРАЗА («Поднятая целина» и современная «деревенская» проза)

Одной из самых ярких особенностей таланта М. А. Шолохова является его умение создавать запоминающиеся, живые характеры, которые буквально выходят, вырываются за рамки